

УДК 63. (5Каз)66.3.51.20.

АСАНОВА С.А.

Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова,
Казахстан, г. Алматы/
Ч. Валиханов атындагы тарых жана этнология институту,
Казахстан, Алматы

ASANOVA S.A.

Ch. Valikhanov institute of history and ethnology,
Kazakhstan, Almaty

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА 1921-1922 ГГ. В КАЗАХСТАНЕ

1921-1922-жылдарда ачкачылык шарттарында социалдык адилеттүүлүк принциби

Social policy of the soviet power during the famine of 1921-1922 in Kazakhstan

***Аннотация.** Данная статья написана в рамках реализации проекта «Голод в Казахстане в 1921-1922 годах и его последствия (на основе новых архивных и письменных источников)» и ставит своей целью постановку вопроса о наличии противоречия между провозглашенными лозунгами советской власти и реальной политикой большевиков. В частности, на примере событий голода 1921-1922 года изучается вопрос о нарушении принципа социальной справедливости в советской системе социального распределения. Методологической основой наряду с традиционными методами историзма, сравнительного анализа и исторической объективности были использованы положения современной теории истории повседневности, в частности отдельные положения теории феминологии, герменевтики, а также междисциплинарный подход с применением инструментария социологии и культурологии, в частности типологии социальных и культурных трансформаций.*

***Аннотация.** Бул макала "1921-1922-жылдардагы Казакстанда ачарчылык жана анын кесепеттери (жаңы архивдик жана жазуу булактарынын негизинде)" долбоорунун алкагында жазылган жана Советтик режим жана большевиктердин реалдуу саясаты жарыялаган ураандарынын ортосунда карама-каршылыктын бар экендиги жөнүндө маселени көтөрүүгө багытталган. Тактап айтканда, 1921-1922-жылдардагы ачарчылык окуяларынын мисалы советтик коомдук бөлүштүрүү системасында социалдык адилеттүүлүк принцибинин бузулушу жөнүндө маселени изилдөө үчүн колдонулат. Методологиялык негиз катары салттуу ыкмалар, салыштырмалуу анализ жана тарыхый объективдүүлүк, күнүмдүк жашоо тарыхынын заманбап теориясынын жоболору, атап айтканда феминология, герменевтика теориясынын айрым жоболору жана социология, маданият таануу дисциплиналар аралык мамиле, кайра түзүүлөрдүн типологиясы. колдонулган.*

***Abstract.** The article is written within the framework of the project «Famine in Kazakhstan in 1921-1922 and its consequences (based on new archival and written sources)» and aims to raise the question of contradiction between the proclaimed slogans of the Soviet government and the real policy of the Bolsheviks. In particular, on the example of the events of the famine of 1921-1922 the question of violation of the principle of social justice in the Soviet system of social distribution is studied. Along with the traditional methods of historicism, comparative analysis and historical objectivity, the methodological basis was used the*

provisions of the modern theory of the history of everyday life, in particular some provisions of the theory of feminism, hermeneutics. as well as an interdisciplinary approach using the tools of sociology and cultural studies typologies of social and cultural transformations.

Ключевые слова: голод, советская власть, большевики, система социального распределения, благотворительные организации

Урунттуу сөздөр: ачарчылык, совет бийлиги, большевиктер, ачарчылыктан жабыркагандарга жардам берүү, социалдык адилеттүүлүк принциби, кайрымдуулук уюмдар.

Keyword: famine, soviet power, bolsheviks, social distribution system, charitable organisations

Советский период занимает особое место и является наиболее сложным и противоречивым этапом истории казахского народа XX века. Сложность адекватной оценки данного периода обусловлена краткостью исторической дистанции, отделяющей нас от советского времени – мы, по существу, являемся современниками этой эпохи. Этим обстоятельством объясняется напряженный антагонизм в трактовке событий советской истории: от восторженной апологетики до негативного отрицания достижений положительного опыта. Современное состояние исследовательского дискурса советского периода истории Казахстана нуждается в интерпретации, основанной на объективном анализе всех отрицательных и противоречивых сторон жизни советского общества. К ряду таких явлений можно отнести историю голода 1921-1922 гг. в Казахстане. Молодое советское государство столкнулось с необходимостью оперативного решения целого ряда сложных задач социально-экономической и политической жизни. Одной из них стал голод 1921-1922 гг. Реальность социально-экономического и политического положения страны вынудила большевиков вести политику, противоречащую первоначально провозглашенным лозунгам. Тактические отходы считались временными и стратегические цели оставались в первоначальной чистоте. Одним из таких тактических отступлений был лозунг равенства всех трудящихся. Как известно, советская власть ставила своей задачей построение общества социальной справедливости, основанного на равенстве и отсутствии эксплуатации человека человеком. Как известно, социализм определяется как общество, основанное на равенстве всех граждан, где ликвидированы неравенство и несправедливость во всех сферах жизни. Этот принцип провозглашался в качестве главной ценности нового политического строя. Равенство было, но это было равенство в бесправии большей части советского общества перед лицом всемогущей и жестокой власти. Тоталитарная система власти, осуществляющая всеохватный контроль за жизнью общества, была несовместима с понятиями равенства и свободы. Большинство населения оказалось бесправным большинством, фактически выведенным за рамки политического процесса. Эта власть, возглавляемая политическим авангардом Коммунистической партии, на протяжении десятилетий занимала исключительное положение в обществе. Она обладала не только всей полнотой власти диктаторского характера, но и пользовалась исключительными привилегиями. Привилегированное положение правящего класса советского общества с особенной наглядностью проявилось в самые тяжелые годы трагических испытаний. «Льготами и привилегиями новая власть стала обрести уже в первые месяцы после Октября. Уже имея загородные дворцы «бывших» в качестве дач, вводя для себя особые литературные пайки, оплачивая золотом царской чеканки приглашение лучших зарубежных врачей-специалистов для лечения родных и близких... новая власть была не прочь порассуждать о социальном равенстве и даже пристыдить тех коммунистов, которые тоже старались получить свою часть привилегий» [1, с.34].

Интересы нового государства и основного населения, которое в своей массе было крестьянским, не совпадали. Абстрактность большинства идеологем советской пропаганды в полной мере проявится позже и в последующем будет пересмотрена и перестроена. Вызванная экономической необходимостью система распределения, когда

все материальные блага были сосредоточены в государственном секторе, сохранилась на протяжении всей 70-летней истории советского государства. Ее создание началось фактически с первых дней прихода к власти большевиков. Причины ее возникновения были обусловлены разными обстоятельствами как объективного, так и субъективного характера. Большевики пришли к власти в результате прямого захвата власти и, в терминологии самих большевиков первой генерации, Октябрьская революция достаточно долго именовалась октябрьским переворотом. К примеру, опубликованная стенографическая запись воспоминаний Л. Троцкого так и называется «Воспоминания об октябрьском перевороте». Они были записаны на вечере воспоминаний, созванном Истпартом в связи с 4-летием Октября. Отчет о заседании был помещен в 10 номере "Пролетарской Революции" за 1922 г.[2, с.123] Фактическая узурпация власти привела к тому, что приход большевиков к власти рассматривался многими современниками как незаконная акция. Этим объясняется накал гражданской войны и, в частности, тот факт, что казахская политическая элита в лице алашского движения выступила против в докладе на II Всеказахском съезде, когда А. Букейханов отмечал при «...отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, что анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак-киргизского народа» [3, с.52].

Узость социальной базы большевиков сейчас не вызывает сомнения. Поскольку они объявили о победе пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата в стране, где пролетариат составлял меньшинство населения. По всей Российской империи промышленных, прежде всего, фабрично-заводских рабочих, насчитывалось около 3 млн. человек, а вместе с занятыми в строительстве, на земляных работах, в сельском хозяйстве, в качестве чернорабочих, грузчиков, а также в кустарном и ремесленном производстве – примерно 14 млн. (из 140-миллионного населения страны) [4, с.149]. Для большинства населения национальных окраин, таких как Казахстан и Киргизия, лозунги интернационального сплочения «пролетариев всех стран» для разжигания мировой пролетарской революции были чужды и непонятны. Еще более непонятны были сами вожди и основоположники учения новой власти. Однако, несмотря на объективные условия, большевики пришли к власти и эту власть не собирались отдавать ни при каких условиях. Поэтому ближайшей тактической задачей было сохранение этой власти любой ценой. Единственным выходом было создание такого государства, где политическая власть была единственной и абсолютной, а любое неподчинение ей каралось с особой жестокостью. Эволюция власти большевиков первоначально провозглашенной как власть большинства, которым объявлялся пролетариат, не могла быть осуществлена, поскольку рабочий класс по всей стране был в меньшинстве. Для укрепления своих позиций необходимо было усилить роль государства с целью насильно подчинить огромную массу людей, которые в большинстве своем не поддерживали новую власть. В этой ситуации только сосредоточение всех материальных благ в ведении государства, которое только могло осуществлять их распределение, стало одной из тактических задач большевиков. С этой целью была произведена тотальная национализация и последующая экспроприация всех продовольственных запасов населения, что было сделано в ходе реализации политики «военного коммунизма». Продразверстка лишила крестьянство самостоятельности. Советская власть, руководствуясь высшей целью, конфисковала у крестьян все, включая излишки: «Вам приходилось собирать продукты не в крепкой хозяйственно благополучной деревне, а в деревне, разоренной шестилетней войной, хозяйственной разрухи и тяжелых повинностей. Вы часто вынуждены были брать продукты не у сытых для голодных, а у голодных и полураздетых» [5] Последующая политика продналога при нэпе во многом продолжала реализовывать эту цель. Продналог также еще больше лишил деревню продовольственной самостоятельности. Результатом этой политики стал голод, который охватил огромные регионы страны. В

1921-1922 гг. советская Россия была охвачена страшным голодом, среди наиболее пострадавших регионов были Поволжье, Урал и Киргизская АССР (большая часть современного Казахстана). По данным исследователей от голода умерли около 5 миллионов человек. Обессиленное, голодное население теперь целиком и полностью зависело от государства. Только государство в лице советской власти распределяло продовольствие. Таким образом, голод стал еще одним фактором укрепления власти. Все это дает основание утверждать, что голод такого масштаба был следствием не только природных катаклизмов и разрушенной экономики, но и следствием политики большевиков. Об этом в нескольких статьях, посвященных голоду 20-х годов XX века, писал Мустафа Шокаев, он прямо называл политику большевиков «голодной политикой» и отмечал, что «... политика советской власти в Туркестане гибельная для самого существования мусульманского населения» [6, с.32]. Поэтому в 1921-1922 гг. большинство населения молодой советской республики, особенно ее восточные регионы, – Поволжье и Казахстан, страдали от страшных мук голода. «Обнищавшим казахам под страхом гибели ничего не оставалось, как покориться Советскому государству, его институтам и, прежде всего, его представителям в провинции. Путь выхода из кризиса вел к зависимости – казахское общество стало тем, чем было и чем является сейчас, потому что его сформировал голод [7, с.269].

Вместе с тем пропагандистская деятельность новой власти продолжала провозглашать лозунги социальной справедливости и равенства. Неравенство в советском обществе существовало всегда. Привилегированным классом были объявлены рабочие промышленных предприятий. Они размещались в крупных городах и их снабжение было первоочередным. Рабочих в крупных городах поддерживали в первую очередь во многом за счет крестьянского населения страны, каким в основном было население национальных окраин. Крестьянство хотя и объявлялось основным союзником рабочего класса, но отношение к нему было противоречивым. Реальными союзниками нового строя могли быть только беднейшие слои сельского населения. А все остальные, так называемые зажиточные крестьяне – кулаки и середняки, должны были быть ликвидированы как класс. Что же касается таких отсталых народов, как казахи, у которых не было пролетариата и в аулах господствовал родовой строй, то их веками сложившаяся социальная структура и уклад жизни подлежали коренному преобразованию. Поэтому зачастую многочисленные жертвы среди этой части населения во имя великих целей мировой революции рассматривались, как неизбежные потери.

В полном соответствии с такой социально-сословной градацией, провозглашенной новой властью, осуществлялось и распределение всех видов материальных благ, начиная от продовольствия и заканчивая другими предметами первой необходимости, а также предметами роскоши. Продукты, одежда и, вообще все бытовые предметы, стали формами поощрения и маркерами социального статуса. Эта несправедливая система социального распределения, которая сложилась в экстремальных условиях социально-экономических кризисов, еще более усилилась в условиях голода. Об ухудшении продовольственного снабжения свидетельствуют, в частности, такие факты. В хозяйственную часть общего отдела Кирбкома все чаще стали поступать заявления от командировочных работников советских и партийных органов с просьбой предоставить продукты для осуществления командировки. К примеру, в заявлении секретаря Акмолинского губкома в Кирбюро от 21 января 1922 года указывается о необходимости выдачи продуктов сроком на 15 дней в связи со снежными заносами, последний не мог выехать в командировку в г. Оренбург в указанные сроки, а командировочные продукты использовал. Подобные заявления и прошения составляют значительную часть документов общего отдела Кирбкома [8].

В условиях острого продовольственного дефицита власть была озабочена сохранением своего авангарда. Уже осенью 1921 года было принято Постановление за подписью заведующего общим отделом КЦИК, в котором говорилось о необходимости

организовать довольствие советских политических работников «ввиду полного истощения последних». В другом аналогичном Постановлении более развернуто указывалось - каким должно быть питание высших должностных лиц «в согласии с указанием Председателя Политической комиссии ЦК И ВЦИК т. Ярославского о недопустимости недостаточного питания политических работников. Организовать для указанного узкого круга работников специальную столовую с питанием по повышенной против общей для всех работников раскладки» [9]. Партийные функционеры получали все необходимое для нормальной жизнедеятельности, несмотря на то, что основное население переживало все муки голода. Доведенные до отчаяния люди употребляли в пищу всевозможные пищевые суррогаты – вплоть до трупоедства и каннибализма. В столице г. Оренбург уже в 1921 году была организована специальная столовая №1 для обслуживания политического контингента. Причина ее создания обозначена в докладной записке за подписью заведующего общим отделом КЦИК, в котором говорилось о необходимости «специального довольствия политических работников в виду полного истощения последних». Через несколько дней было принято более конкретное Постановление, где отмечалось, что: «В согласии с указанием Председателя Политической комиссии ЦК и ВЦИК тов. Ярославского о недопустимости недостаточного питания политических работников. Организовать для указанного узкого круга работников столовую и общее питание с повышенной против общего для всех работников раскладкой» [10]. К сожалению, пока не обнаружены документы, отражающие полную разрядку специального питания руководящих работников Кирреспублики. Но есть данные о питании высшего партийного руководства в г. Москве, приведенные в статье российского исследователя С.Кулешова «Лукуллов пир» [11]. Согласно документам Управления делами ЦК РКП(б) в июне 1921 года на имя секретаря ВЦИК Енукиндзе было составлено заявление, в котором указывалось: «В виду крайне тяжелого продовольственного положения наиболее ответственных работников секретариата ЦК РКП необходимо установить для них регулярную ежемесячную выдачу продуктов питания». Была установлена смета продуктов на одного человека на месяц: «Сахару - 4 фунта, чаю - 4 фунтов, муки ржаной -20 фунтов, мяса-10 фунтов, масла сливочного - 3 фунта, сыру или ветчины - 4 фунта, сушеных овощей - 5 фунтов, соли - 1 фунт, мыла простого - 2 куска, туалетного - 2 куска, папирос - 500 штук, спичек 10 коробков». В накладных заявках бухгалтерии «мелькают... ящики с вином, коньяком, бужениной, иные деликатесы». Сам автор ссылается на документы [12].

Романтические истории о голодных обмороках коммунистов не более чем идеологические мифы. Хотя, конечно, на уровне рядовых коммунистов факты таковой самоотверженности безусловно имели место. Но основная масса партийных и советских функционеров жила и питалась лучше основной массы населения. Документы дела 210 состоят в основном из различных раздаточных ведомостей с точным перечнем продуктов, которые выдавались советским и партийным работникам. Если посмотреть ведомости с конца 1921 года до середины 1922 года, то становится очевидным, что существовали регионы достаточно благополучные. Одним из немногих относительно благополучных регионов считалась Семипалатинская область. На (них) нее ложилась основная тяжесть обеспечения продуктами остальных голодных регионов. Такой эшелон прибыл в январе 1922 года из г. Семипалатинска специально для работников Киробкома и был принят завхозом и кладовщиком обкома РКП(б) г. Оренбурга на станции Оренбург. Спецгруз был отправлен с сопровождающим, который доставил в г. Оренбург продукты из Семипалатинска. Этот груз затем был распределен среди партийных функционеров согласно специального спис(ка) для работников Киргизского (казахского) областного комитета ВКП(б) на выдачу продуктов, полученных из Семипалатинска. В данный список входили: мука, мясо сливочное масло. Мука выдавалась по пуду и 12 фунтов на человека, мясо по 12 фунтов, масло (в) по 4 фунта. Необходимо отметить, что подобные списки формировались практически каждый месяц [13]. Помимо этих продуктов,

которые считались продуктами первой необходимости, имеются документы о распределении других видов продовольствия, например, колбасы. Раздаточная ведомость от 15 декабря 1922 года, по которой колбасу получали сотрудники аппарата Обкома и облисполкома по ... фунтов каждый [14]. Кроме того, по особым ведомостям получали галантерейные товары - чай, сахар, сухофрукты, а также табак. Принцип, по которому формировались данные ведомости, пока не изучен, но обращает на себя внимание тот факт, что достаточно часто помимо фамилии сотрудника упоминаются и члены семей.

Следовательно, партийная элита советской власти с первых лет стала оформляться в особое сословие, материальное положение которого отличалось от остального народа. Подтверждением является создание особой системы социального распределения, которая оформилась уже в первые годы советской власти. Эта система существовала в условиях крайней экономической разрухи и голода, охватившего все слои населения молодой советской республики. Однако особый статус номенклатурной верхушки советского строя формировался с первых дней и фактически в неизменном виде сохранился до последних лет существования советского строя. В этом состояла иезуитская лицемерность партии, которая в своей пропагандистской работе на протяжении семидесяти лет провозглашала равенство всех советских граждан. Требуя от народа неисчислимых жертв, сама в своей каждодневной практике на такие жертвы не шла. В реальности равенства не было. Более того уже тогда видно наличие злоупотреблений и хищений, которые имели место в советской распределительной системе. К примеру, в деле № 210 имеется большое количество расписок, подписанных завхозом обкома Латинским, по которым большое количество продуктов записывается в расход. Без каких-либо дополнительных документов или объяснительных причин [15]. Безусловно, наличие специального распределения всегда имело место в системе государственного управления, но в данном конкретном случае обращает на себя внимание тот факт, что это происходило во время одного из жесточайших явлений истории советского государства в Казахстане – голода 1921-1922 гг.

Таким образом, проект построения общества социальной справедливости, который провозглашали коммунисты, в реальности не мог осуществиться. Сложная задача сохранения и укрепления политической власти, в условиях международной блокады, отсутствия реальной социальной базы и экономической разрухи заставляла большевиков отрицать свои же идеологические доктрины. Нарушение принципа социальной справедливости проявилось в трагических и ужасающих условиях голода 1921-1922 гг., как наглядный пример расхождения идеи и практики социалистического строительства. Грандиозный и амбициозный проект большевиков по мере реализации все дальше уходил от своего первоначального замысла. Партия, которая должна была быть спасением для самых угнетенных и обездоленных, сама превратилась в неприкасаемую касту привилегированных членов общества. Этот факт оказался миной замедленного действия, которая в последствии стала одной из причин крушения советской социалистической идеи.

Список цитируемых источников:

1. Данилов А.А. Как боролись с привилегиями в первые годы советской власти // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. – М., Собрание, 2007.
2. Троцкий Л. Сочинения. Том 3, часть 2. М.-Л., 1925; Старцев В.И. Второй раунд смертельной схватки // Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). – Лениздат, 1991. – 366 с.
3. Алаш Орда. Сборник документов (сост. Н.Мартыненко). – Алма-Ата: «Айкап», 1992. – 192 с.
4. Великая аграрная реформа Е. Прудникова.
5. АП РК Ф.139. оп.1, Д. 37. Л. 5-6. Обращение ЦК РКП(б) от 24.05.1921 г. к продовольственникам (членам продовольственных отрядов)].

6. Шокай М. Туркестан наша общая колыбель (Туркестан в документах личного архива М.Шокая 1920-1940 гг.). – Алматы: 2011. – Т.1.
7. Киндлер Роберт. Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане
8. АП РК Ф.139. Оп.1. Д 210. Л. 56
9. АП РК Ф. 139. Оп.1. Д.210, Л. 133.
10. АП РК. Ф.139. Оп.1, Д. 210, Л.65.
11. Кулешов С. Лукуллов пир // Родина. 1991. № 9-10. – С.71- 76.
12. РГАСПИ Ф.1,оп.66, Д.643, ЛЛ.35-36
13. АП РК Ф.139. Оп.1. Д.538. Л.55 .
14. АП РК.Ф.139. Оп 1 Д. 210. Л. 45.
15. АП РК. Ф.139. Оп 1. Д. 538. Л.281.
16. АП РК Ф.139.Ф.Оп.1, Д. 210. Л.65
17. . Данилов А.А. Как боролись с привилегиями в первые годы советской власти // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. М. Собрание. 2007. – С. 310.
18. Троцкий Л. Сочинения. Том 3, часть 2. Москва-Ленинград, 1925; Старцев В.И. Второй раунд смертельной схватки // Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Лениздат, 1991. – 366 с.
19. Алаш Орда. Сборник документов (сост. Н.Мартыненко). – Алма-Ата: Малое издательство «Айкап», 1992 г. – 192 стр.
20. Великая аграрная реформа Е. Прудникова 777.
21. АП РК Ф.139. оп.1, Д. 37. Л. 5-6. Обращение ЦК РКП(б) К от 24 05 1921 г. к продовольственникам (членам продовольственных отрядов].
22. Шокай М. Туркестан наша общая колыбель (Туркестан в документах личного архива М.Шокая 1920-1940 гг. – Алматы: 2011. – Т.1. – С. 32.
23. Киндлер Роберт. Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане С. 269.
24. АП РК Ф.139.Оп.1. Д 210. С 56
25. АП РК Ф. 139.Оп.1Д.210, Л. 133
26. Кулешов С.Лукуллов пир // Родина. 1991. № 9-10. – С. 71 – 76.
27. АП РК Ф.139. Оп.1. Д.538. С.55
28. АП РК.Ф.139. Оп 1 Д. 210. Л. 45.
29. АП РК. Ф.139. Оп 1. Д. 538. Л.281.

Рецензент: Малабаев С.К. – кандидат исторических наук, преподаватель БГУ им. К. Карасаева